

Звягинцева Елена Ивановна

ПОНЯТИЕ "ДРУГОГО" В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ЛЕВИНАСА

Цель статьи - раскрытие содержания понятия "Другой", которое становится едва ли не центральной проблемой в работах многих мыслителей XX века. Основой анализа послужило творчество Эмануэля Левинаса: в статье предприняты попытки обозначить специфику определения, которое дает французский философ. Автор объясняет, почему Э. Левинаса не удовлетворяет определение Другого с позиций формальной логики. Особое внимание в статье уделено таким характеристикам Другого как "лицо", "божественность", "бесконечное".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I. С. 92-94. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1(091)+1:3

Философские науки

Цель статьи – раскрытие содержания понятия «Другой», которое становится едва ли не центральной проблемой в работах многих мыслителей XX века. Основой анализа послужило творчество Эмануэля Левинаса: в статье предприняты попытки обозначить специфику определения, которое дает французский философ. Автор объясняет, почему Э. Левинаса не удовлетворяет определение Другого с позиций формальной логики. Особое внимание в статье уделено таким характеристикам Другого как «лицо», «божественность», «бесконечное».

Ключевые слова и фразы: Другой; самоидентичность; инаковость; бесконечное; лицо.

Звягинцева Елена Ивановна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
zvyaginseva@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ДРУГОГО» В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ЛЕВИНАСА[©]

Эмануэль Левинас – французский философ, чье творчество пришлось на середину и вторую половину XX века. Философия Э. Левинаса вышла из феноменологии Э. Гуссерля и учения М. Хайдеггера, хотя впоследствии значительно отошла и от того, и от другого.

Работая на поприще практически современной нам философии, которая уже преодолела «гносеологическую робинзонаду», Левинас утверждает, что в своей социальной, неотделимой от общества и других людей жизни мы остались все теми же Робинзонами. Каждый человек, по его мысли, отделен и замкнут на себя. (Это не просто обвинение в эгоизме, а целый онтологический конструкт, который Левинас постулирует и всячески прорабатывает.) Именно поэтому едва ли не самым главным событием в жизни человека и в философии Левинаса является Другой и встреча с ним.

Антропологический, лингвистический, коммуникативный и иные, типичные для современной философии, повороты привели к концентрации мысли на понятии Другой, и здесь Левинас не стал ни первым, ни последним. («Фигура Другого становится фундаментальной и конститутивной семантической структурой в современных попытках постмодернистской философии реконструировать понятие субъекта» [4, с. 253].) Обращение к фигуре Другого происходит в неклассической философии, ведь именно «с возникновением неклассической теории познания меняется отношение к субъекту и объекту познания» [1, с. 44]. Проблематизацией понятия «Другой» в той или иной степени занимались Э. Гуссерль («Картезианские медитации»), М. Хайдеггер («Бытие и время»), Ж.-П. Сартр («Бытие и ничто», «Экзистенциализм – это гуманизм»), П. Рикер («Я-сам как Другой»), С. Л. Франк («Непостижимое») и др. Исключая сравнительный анализ, мы постараемся углубиться в специфику философии Левинаса, чтобы понять, как французский мыслитель отвечает на вопрос: кто есть Другой?

Понятие Другого, согласно мысли философа, выходит за пределы, а иной раз и вовсе противоречит формальной логике. Отношение Я с иным не представляется ему в виде взаимности, или системы, или противостояния. Подобная трактовка Другого вела бы к тотальности, т.е. к такому состоянию, где любая инаковость стирается в пользу Самоидентичного. (Самоидентичное выступает, согласно Левинасу, в качестве сознания субъекта, привыкшего схватывать, подчинять своей власти, освещать светом разума и присваивать реальность, делая ее частью своего Я.)

Левинас пытается дать такое определение Другого (по отношению к Самоидентичному), которое бы не сводило на нет, а сохраняло инаковость, тайну, глубинный смысл. Другой не является полной противоположностью нашему Я, в таком случае А и не-А составляли бы единую систему, что претит природе иного. Нет никакой диалектики, которая бы обнаруживала Я в Другом, объясняя тем самым противоречивость их соотношения. Другой не выступает также неким схожим видом внутри общего с Самоидентичным родом. Левинас пишет: «Инаковость Другого не зависит от какого-либо качества, которое отличает его от меня, поскольку подобное различие как раз и полагало бы между нами родовую общность, сводящую инаковость на нет» [3, с. 216]. Любая схожесть с Я напрочь убивает инаковость Другого, как и представление о социуме как о хранилище золотых, где каждая монета напечатана на одном станке. «Сущность общества ускользает, если мы представляем себе его наподобие рода, объединяющего схожих между собой индивидов» [Там же]. Стоит ли говорить, что никакой встречи с Другим не происходит и внутри Самоидентичного: Я, принимающее себя за другое, есть лишь игра самосознания, иллюзия, психологический обман. Таким образом, пытаясь дать определение Другого, мы всегда рискуем продолжать движение в привычной колее формальной логики, которая не дает схватиться за инаковость. Да и само слово «схватиться» уже говорит о присвоении, растворении в Самоидентичном, и именно это является причиной ускользания Другого — наше сознание, по мысли Левинаса, рефлекторно пытается охватить все встреченное, распространить на него свою власть и мысль. Взгляд и рука ощущают пространство, обживая его и осваивая — делая своим. Тонкость детерминации состоит в том, чтобы не скатиться к удобной и привычной нашему Я конструкции, а удержать в фокусе инаковость Другого.

Другой пребывает за пределами нашего Я и являет себя в некоей необычной форме. Левинас радикализирует понятие Другого, будто машет красной тряпкой перед быком, проверяя тем самым реакцию нашего эго.

Чужестранец, нищий, вдова, сирота, господин, Бог. Находящиеся в нужде и имеющие власть над нами — они предстают как равные нам. Надо подчеркнуть изначальную несправедливость, чтобы прийти к справедливости. Каждый другой человек может явиться Другим с большой буквы, но Левинас нарочно приводит к крайностям, чтобы заострить внимание на инаковости. Возможность встречи с Другим зарождается изнутри нашего Я. Плюрализм, согласно Левинасу, — это не просто цифра или численная множественность. Он отмечает: «Для возникновения плюрализма в себе... необходимы глубинное движение от \neg к \neg другому», позиция \neg по отношению к Другому» [Там же, с. 142]. И позиция эта состоит в принятии ответственности при явлении Другого. Несмотря на то, что рассуждения Левинаса изначально онтологичны, событие встречи с Другим находится всецело в области этики, ведь «Другой, в своей трансцендентности господствующий надо мной, — это чужеземец, вдова или сирота, по отношению к которым я испытываю чувство обязательства» [Там же, с. 218]. Здесь заканчивается сфера влияния Самотождественного: это не может применить к Другому ни власти, ни познания, как оно привыкло поступать по отношению к предметному миру. Встреча с Другим происходит именно тогда, когда мы перестаем расценивать другого человека как объект окружающего мира и становимся способными рассмотреть в нем субъект, личность, Другого. Власть пропадает, и наше Я само должно отдать себя под господство Другого. Все, что остается Самотождественному в этой ситуации, — это речь. Встреча с Другим, согласно Левинасу, происходит в словесном общении. Слово не требует власти и не проявляет насилия, «слово отличается от владения» [Там же, с. 200], оно делает разрыв в бытии нашего Я — создает лазейку для появления инаковости в нашей жизни. Диалог же возможен только между двумя лицами.

Левинас старается определить Другого, балансируя между понятиями формальной логики и диалектики. Именно с целью удержать равновесие он не дает четкого определения Другого, а приводит метафоры, повторяя их на разные лады. Так, Другой является нам в качестве лица. Лицо подразумевает уникальность, индивидуальность, несравненность Другого с другими и со мной. Лицо не похоже на окружающий мир и на вещи, встреченные в нем, его нельзя понять, охватить и даже увидеть или осязать. Тем не менее, оно обнаживает себя и обнажает. Точнее только в обнаженности лицо и может существовать. Как пишет Д. У. Орлов: «Другое при этом не становится легче, не утрачивает тяжести и весомости, но открывает трансцендентный горизонт своей изнаночной стороны» [5, с. 81]. Другой, встреча с которым происходит лицом-к-лицу, характеризуется своей открытостью, незащищенностью, нуждой и в то же время господством над нашим Я, свободой. Понимание категории «Другой», по мысли Левинаса, неотделимо от этики и от таких понятий, как «ответственность» или «обязательство».

Таким образом, Другой не означает «равный» в привычном понимании этого слова. Равенства очень непросто достичь, но Левинас постулирует связь, которая гораздо сложнее и парадоксальнее такого рода справедливости. Другого невозможно ровнять под себя и подходить к нему со своим мерилем. Мы находимся в ситуации, когда Другой в своем лице открывается нам, обнажает себя и становится незащищенным. И в то же время его появление словно призыв сложить оружие, подчиниться, осознать, что моя власть кончилась и началось другое господство — господство Другого. Сила нашего Я теперь проявляется в той ответственности, которую мы берем на себя при встрече с Другим. «На моих плечах словно держится все здание тварного мира», — пишет Левинас [2, с. 171]. Другой проявляет свое могущество через незащищенность. Левинас замечает, что бессилие власти нашего эго проявляется в убийстве Другого. Это не насилие или порабощение, не отчаянная попытка познания, а тотальное отрицание Другого, т.е. наша полнейшая капитуляция перед его инаковостью. Это не господство, а признание того, что Другой является тем, чем мы овладеть не в состоянии, ведь он постоянно ускользает из-под нашего контроля. Здесь мы впервые попадаем в ситуацию, когда наше эго не может овладевать и присваивать. Убийство — это крайняя и безуспешная попытка Самотождественного утвердить себя повсеместно, отрицая любую инаковость.

Лицо Другого является нам с главной заповедью «Не убий» и тем самым провозглашает собой начало этики. Этическое отношение к Другому не является ни случайным, ни произвольным. Другой для Левинаса — это тот, кто взывает к своей защите одним своим существованием. И встреча с ним знаменует нравственную борьбу внутри нашего Я. Если мы не можем присвоить и подчинить себе инаковость, то нам остается только одно — проявлять по отношению к Другому добро, одаривать его заботой.

Левинас заключает, что встречу Я с Другим можно сравнить с соотношением конечного и бесконечного, и бесконечное мы видим в лице Другого. Идея бесконечности рождается в событии — Самотождественное Я содержит то, что не может ни содержать, ни получить извне, т.е. то, что даже нельзя содержать. Левинас пишет: «Содержать более того, что возможно, означает в любой момент взрывать рамки мысленного содержания, преступать барьеры имманентности» [3, с. 71]. Идея бесконечности в конечном Я выражается как вечное метафизическое желание Другого. Это такое желание, которое невозможно удовлетворить, которое только опустошает и в то же время устремляет наше самодостаточное эго за его пределы, ввысь, к трансценденции.

Соотношение конечного с бесконечным снова говорит о том, что существует не равенство, а асимметрия межличностных отношений между нашим эго и Другим. Я находится в постоянном долженствовании по отношению к Другому, на нем лежит этическая обязанность идентифицировать его, вглядываться в его лицо, а не приравнивать к объектам присвоенного мною мира. Другой — это глубинная темнота, которую невозможно (да и не нужно) осветить, и тайна, которую невозможно разгадать. Идея бесконечности и несимметричности наших отношений с инаковостью находит свое полное воплощение в идее Бога, ведь Другой у Левинаса всегда божественен, а его лицо — это прежде всего лик. Быть «я», быть отдельным, счастливым, быть атеистом — все это синонимы для Левинаса, свидетельствующие о жизни Самотождественного, замкнутого на себя. В лице Другого мы встречаем Бога, радикальную инаковость по отношению к нашему эго.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что Левинас старается дать максимально гуманное определение Другого, не умаляя ни его, ни воспринимающее его сознание. Принципиальной позицией в определении Другого для Левинаса является утверждение и фокусировка на его инаковости. Философ рассматривает различные крайние ситуации, когда эта инаковость себя проявляет: чуждость Другого как чужестранца, нужда и беззащитность сироты, в конце концов, даже убийство Другого. Такая радикализация необходима для того, чтобы не потерять «друговость» из виду. Сложность определения понятия «Другой», по мнению Левинаса, связана с рефлекторной установкой нашего сознания на схватывание, присваивание и осмысление окружающего мира, соизмерение его с нашим эго, когда любая инаковость рискует быть потерянной. Встречу с Другим в таком случае необходимо искать в сфере языка, где общение происходит лицом-к-лицу, в диалоге. Левинас сравнивает Другого с открытым беззащитным лицом, к которому не применимы власть и насилие. При встрече с Другим наше эго попадает в зону этики, ведь только в нравственном отношении раскрывается лик Другого. В своей книге о Левинасе А. В. Ямпольская пишет: «Лик – это не сам другой человек, а то, как мы его видим тогда, когда мы видим в другом человеке – Другого» [6, с. 157]. Мы не можем более присваивать, однако нам под силу взять ответственность, так как лицо Другого призывает нас к ответу.

Отсутствие однозначного определения Другого объясняется позицией мыслителя, согласно которой Другого нельзя понять и познать в привычном для нас смысле, а также попыткой обойти ловушки формального мышления.

Список литературы

1. Галимова А. К. Истоки концептуализации Другого в философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 43-45.
2. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высш. религ.-филос. шк., 1998. 264 с.
3. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М. – СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
4. Постмодернизм: энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.
5. Эмануэль Левинас. Путь к Другому: сб. статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. 239 с.
6. Ямпольская А. В. Эммануэль Левинас. Философия и биография. Киев: Дух і літера, 2011. 376 с.

CONCEPTION OF “THE OTHER” IN E. LEVINAS’S CREATIVE WORK

Zvyagintseva Elena Ivanovna
Kazan (Volga Region) Federal University
zvyaginceva@mail.ru

The goal of the article is to reveal the meaning of the concept of “The Other”, which becomes almost the central problem in the works of many thinkers of the XX century. Emmanuel Levinas’s creative work served as a basis for the analysis: the author makes an attempt to identify the specifics of the definition of the French philosopher. It is explained why E. Levinas is not satisfied with the definition of “The Other” from the viewpoints of formal logic. The author pays special attention to such characteristics of “The Other” as “face”, “divinity”, “infinite”.

Key words and phrases: “The Other”; self-identity; strangeness; infinite; face.

УДК 7; 18:7.01

Искусствоведение

Статья посвящена истории возвращения оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» на советскую оперную сцену в 1939 году. Запрещенная после революции за пропаганду монархизма опера подверглась существенным переделкам и получила новое название «Иван Сусанин». В статье автор рассматривает вопросы адаптации нового текста в контексте государственной идеологии, анализирует режиссерский постановочный метод, затрагивает вопросы взаимоотношения художника и власти.

Ключевые слова и фразы: опера; театральное искусство; режиссура; Иван Сусанин; Б. А. Мордвинов; Сталин.

Изотов Дмитрий Владимирович

Российский институт истории искусств (г. Санкт-Петербург)
izotov.spb@gmail.com

ОПЕРА «ИВАН СУСАНИН» М. ГЛИНКИ: ПРОБЛЕМА СЦЕНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ЭПОХУ СОЦРЕАЛИЗМА[©]

После революции 1917 года опера М. И. Глинки «Жизнь за царя» была запрещена за пропаганду монархизма. Возвращение музыкального шедевра на оперную сцену с новым названием «Иван Сусанин» произошло